

Руслан Кардашов

ПСИХУШКА 10

ПОБЕГ

Руслан Кардашов
Психушка 10. Побег

«Издательские решения»

Кардашов Р. В.

Психушка 10. Побег / Р. В. Кардашов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903791-6

Путешествие в местной психбольнице в которой раскрывается все общество больных и лечащего персонала. Сопротивление вымышленному диагнозу заканчивается побегом из отделения после принудительного лечения неизвестными лекарствами и встречей бывшего психиатра с больным, которая является родной сестрой ректора ВГАСУ. Восстановление здоровья героя заканчивается в отпуске заведующего и лечащего врача его в который они отправились, после не оплаченного больничного листа и диагноза в психушке.

ISBN 978-5-44-903791-6

© Кардашов Р. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. «Ворота в другую жизнь»	6
Глава 2. «Хомут»	10
Глава 3. «Палата общая»	13
Глава 4. «Дезодорант»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Психушка 10 Побег

Руслан Витальевич Кардашов

Корректор Ольга Рыбина

© Руслан Витальевич Кардашов, 2018

ISBN 978-5-4490-3791-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Материал к книге «Психушка 10».

Современная проза (рассказ)

Глава 1. «Ворота в другую жизнь»

За окном машины тепло, окно открыто боковое моего внедорожника немецкого происхождения (его я называю «Гелик»).

В окно дует ветер теплый, месяц июнь 2013 года, тот год, когда у меня отключились мозги, когда я работал на строительстве федерального участка платного в Воронеже на автомагистрали М-4 «Дон». Дурная профессия дорожного специалиста по контролю температуры выпускаемого асфальта, с журналом по соблюдению качества укладываемого асфальта, привозимого с 515 км, на котором расположен был асфальтовый завод серьезного и федерального значения, предприятия дорожного по строительству платного участка многополосного, европейского качества и стандарта, длиной больше 30 километров для движения большегрузных грузовых машин и легковых.

Подъезжая к воротам не своего дома, а воротам психиатрической больницы (областной номер 10), я наслаждался последними минутами прекрасной жизни и свободой, но не той, когда плывешь против течения, а когда гребешь веслами своими, унося ноги, когда за тобою плывет акула, готовая тебе оторвать ноги и голову, силы на исходе, только дыхание и биение сердца в груди у меня чувствовалось. Недовольная мать сидела за мною на заднем сидении. Мне пришлось сильно напрягать свои мозги, чтобы вовремя нажимать на тормоз в педаль и газ, коробка автоматическая сама управляла машиной и тормоза крепкие, когда двигался на машине по городу любимому не только мною, но и моими друзьями, которые ушли в милицию работать, с которыми я порвал все свои интересы, связанные с эскортом и банями, юридическим образованием незаконченной госакадемии и тупой работой, на которой у меня отключился мозжечок по непонятной причине 5 июня 2013 года, тогда, когда я понял, что меня какой-то гражданин заказал, по уличному если сказать: «Опустить и простить». Дурное состояние в моей голове, похожее на состояние пьяного, но с работающей головой и мозгами, словно я выкурил много укропа через трубку из бамбука, – такое состояние, когда я задумался, что со мною. Белая «шестерка» бывшего участкового стояла перед моим автомобилем за десять метров; че она там остановилась, я даже не замечал. Охрана в проходной на воротах была не очень серьезная, можно было пробиться к палате любой и вытащить больного, если был бы заказ на выполнение такой работы для любого человека, которому дорого было слышать и видеть больных, которые в этой больнице лежат иногда, настоящая процветала коррупция, и никогда нельзя было проверить врачей и медсестер, мне казалось всегда загадкой: больница под номером – десятка, словно гражданин стал больной, а потом его медленно опустили ниже его достоинства. Кавказец по национальности, бывший милиционер в синей рубашке без погон, в коротком рукаве и синих брюках посмотрел в мою сторону тогда, когда моя мать сидящая стала разговаривать со странным абонентом по мобильному телефону, словно она раньше знала, что меня ожидает в этом году, и молчала, принимала участие с моим папой и сестрой, которая жила не с родителями.

– Мы уже приехали, куда нам заходить: в центральные ворота? – спросила моя мать у абонента.

Мне ее лицо показалось странным. Задумался я над своим вопросом: как я оказался у этих ворот, в которые мне дали направление на лечение с улицы Некрасова, казенного учреждения города Воронеж, психиатрического диспансера, в котором много людей получают справки с печатями на любые работы, связанные с вождением транспорта и ношением огнестрельного оружия, хранением его дома, также можно влиять на любого серьезного человека, превратив его в шизофреника и подсадив его на лечение от такого заболевания приписанным курсом участковым психиатром. Ворота больницы были, – у которой среди деревьев я остановился, – закрытые, кроме проходных дверей в калитке.

– Так не хочется расставаться с машиной и работой! – ответил я своей матери, которая сидела и смотрела за моим поведением.

Моя спина сильно стала болеть, мне было безразлично, что будет дальше за воротами этой больницы, можно стать после нее психом полным или забитым гусем, в которого много кидают камней молодые, смешные мальчишки и смеются, как гусь падает с ног и встает дальше, неуклюже бежит от них прочь.

Лобовое стекло было треснуто в моей машине, мне казалось, что я теряю голову свою и мне трудно выйти из проблемы с моими мозгами. Паспорт у меня был в кармане, много что мне показалось в то время, когда я понимал, что теряю образование и работу после странного самочувствия в доме у себя, когда жена была с сыном у себя в квартире, а я уехал с работы, и в моей машине была мать случайно, я задумался, что мне трудно много заработать денег, если мне мешают близкие. Работала машина замечательно, просто мне даже завистно было ее часто оставлять на улице без присмотра. Некоторые машины стояли, тоже, наверное, владельцы их приехали в больницу проведать своих родственников. Привезти им продукты разные, получается, мы сидим в машине, в которой мне уже не важно, что дальше будет, я перестал доверять своей матери и отцу в 2013 году. Замкнутость после болезни сильно выбила меня из нормальной и целенаправленной жизни на хорошее.

– Извини, я уже выхожу из машины своей!

– Я понимаю, что мне быстро не придется сесть за руль машины этой после лечения в этой жуткой психушке. – ответил я негромко, но в моем голосе был крик моей души, часто я смотрел на часы свои, вспоминал, как раньше все начиналось для меня новое и радостное, а сейчас – ворота дурдома, из которого здоровым никогда еще никто не выходил, подумал я, и в сидении своем стал держаться двумя руками за руль большой.

– Давай выходи! – ответила мне мать и открыла двери машины, в которой сидела.

– Да не спеши, в дурдом иди! – громким голосом я ответил ей.

На другом краю города директор фирмы Баринов В. И. сидел в кресле за своим персональным столом из пресованной доски, кресло было кожаное и спинка высокая. Вторник на календаре, жаркий день почти, обеденное время.

– Здравствуй, Василич! Как ты там сам? Не помер после вчерашней выпивки, я уже дома к вечеру позднему приехал с водителем! Ты слышал, что мой воспитанник Рустам в психушке уже находится? Фамилия его Карандашов, ты проверь через своих, я должен знать, что сейчас с ним, – медленно говорил директор, сидя на столе своем дешевом и хрупком.

Его щеки были загорелые, коричневый волос на нем подтверждал, что он кончить хочет свою игру, которую он долго вел в городе, платя дань за свой бизнес некоторым людям, которые думали о нем как об уважаемом человеке в городе и помогали его детям, которые имели собственную фирму, занимающуюся сантехническими работами в городе, продолжая строить и прокладывать водопровод.

– Здравствуй, Валера! Спасибо за угощение вчерашнее, было все красиво и замечательно, как раньше – в те времена. Там сосед другой в моей части дома живет. Смогу позвонить только владельцу, который недавно купил часть дома, он спросит, как там они живут, молодые?! Ха-ха-ха! – раздался смех незнакомого человека по имени Игорь.

– Скажи новому соседу, что страшно не упасть, а страшно не встать! – голос немного Баринова мямлил некоторые буквы, и медленно его щеки шевелились, сгорбатившись немного за столом своим, он старался уничтожить отца Карандашова, который все время по телефону говорил, что директор жлоб и вор со своими в погонах друзьями из силовых ведомств города, которые ушли на пенсию и работают у мэра города по фамилии Цапкин И. И., который приобрел себе квартиру в элитном доме с подземными гаражами у каменного моста и недалеко от здания главного УВД, который говорил, что дорога федерального значения окружная города с ее конструкцией выдержит надолго транспортные нагрузки по дороге потоков движения

машин за час, долго будет эксплуатироваться. Абонент в этот час разговора ответил невеселым голосом, говоря:

– Валера, что смогу узнать, спрошу, туда мне нет смысла ехать, там я не живу! Уличный комендант там есть, она узнает все, я попрошу тебя – только не спеши со звонками мне на свою личную просьбу! – ответил знакомый, который долго был плечом к плечу с директором после банкротства крупного треста по области, в котором работал Баринов.

Тяжелая рука директора ответила звуками мычания, и голос невеселый со рта пускал дым со словами:

– Ты постарайся, будь здоров!

– Всего хорошего, Валера! – трубку мобильного положила рука Игоря, сидя в кабинете на первом этаже жилого здания рядом с высотным зданием налоговой инспекции города по федеральному округу.

Его, Баринова, странное выражение лица за столом и в кабинете сметном могло сильно влиять на всех работников его бухгалтерии и мастеров с начальником участка, кроме его взрослого сына, который был хороший парень, проверенный коллективом рабочих с разной судьбой в жизни.

А в это время у ворот больницы психиатрической по улице Тепличная, 1 стоял Рустам в рубашке в вертикальную полоску, которая была на нем надета, – бордового цвета с черными линиями и белыми, на груди был крест золотой с цепочкой золотой, широкой, там, где он его приобретал, магазин закрылся под названием «Версаль», а рынок центральный закрыли и построили торговый центр, обложенный сейчас плитой на фасаде, блестящим керамогранитом, который сверкает в лучах солнца.

Из калитки вышла толпа детей, возраст их был до 10 лет, наверное, много внимания я привлек своего к себе со стороны взрослой женщины, которая их вела на остановку и говорила неизвестные для меня им слова, что они все на меня смотрели в разноцветных одеждах, словно я увидел радугу из детей, и мне стало весело немного на душе, но институт в городе недавно открыли под названием ФСИИН, если его расшифровать, то он называется Федеральный судебный-исполнительный институт наказания, а школа милиции, которую раньше называли до 2005-го, переименовали в Академию полиции с лозунгом «Мы учим тех, кто защищает наши дома». Но туда обычному крестьянину нельзя устроиться на учебу из-за жесткого отбора на вступительных экзаменах, так думал я.

– Откуда здесь столько детей, интересно? – спросил я, моя шея сутулилась, и были худые руки, я всегда не доверял своему отцу, который ко мне стал относиться иначе.

– Ты закрыл машину? – спросила с хитрым взглядом моя мать.

Мне не было времени думать про тебя, моя дорогая жена, знаешь, вспомнить все сразу, – начинаешь плакать, как строить свой очаг, как был вместе с нею вечером, как был по другую сторону берега реки и водохранилища. Наверное, личных обид и зависти было у меня больше, чем хороших мыслей к своим друзьям, которых я знал, обучаясь в двух вузах. Может, это повлияло на то, что мне было странным, когда все ломалось, все старались понять, что может быть главным в моей жизни. Семья, работа, дети или машина с домом. Другие мечтают купить машину на кредит, квартиру тоже, но, если есть работа, получается, не всем место под солнцем, даже кредиты могут отнять все, если лишиться работы и здоровья.

Моя машина стояла рядом, наслаждаясь свободой перед воротами, понимал, что нужно идти в приемное отделение не спеша со своей матерью невысокого роста, похожей на бедную женщину, которая всю жизнь учила меня и сестру, оберегала ради счастливого будущего.

– Не буду смотреть на машину свою, потом еще пригодится она в будущем, может, покажемся еще, – ответил я и улыбнулся матери.

С правой стороны шла мать моя, немного хромя, она понимала, что мне должна помочь, чтоб я отправился лечиться, моя голова была такой, словно по ней били часто боксерскими

перчатками, я не чувствовал, что меня что-то тревожит, вокруг была потеря мышления и сознания, невозможно было прочитать молитву «Отче наш», вспомнить, как я радовался своей новой семье, которую я создал у себя на втором этаже дома частного, который переписал как дарственность на свою любимую мать, она меня обманула законами, про которые я ничего не знал, и супружеской жизни не ведал до 32 лет, работал и работал, как прокаженный раб на земельном участке своих родителей, а также на директора больше пяти лет горбатился за признание и уважение, но так его и не заслужил, кроме насмешек и слов упрека от водителей, возивших асфальт и шлаковый щебень на его объекты в маленькой частной фирме, которую он давно открыл в городе и оформил на странный счет банковский по реквизитам. На руках у матери моей было направление, связанное с больницей, в которую следует лечь на лечение, диагноз неизвестный, возникновение заболевания тоже непонятное. Все печально, следует только задуматься, что и как быть дальше Рустаму. Пройдя вместе через калитку, я шел по деревянному щиту, сбитому из досок, не очень длинный щит лежал в проеме входном, я посмотрел на человека, который стоял на углу, но его я не рассмотрел, он был в темноте от тени, которая падала в его кабинет в виде небольшой будки. Мне было все интересно, можете представить, как я оказался в психушке, и вы увидите все там, что я узнал и как лечился, кто был моим врачом и как я не выпивал лекарства, которые мне прописывали врачи, как я одевался и что у меня было в тумбочке, в которой у каждого больного в отдельной палате могло находиться, какие мои были воспоминания, связанные с другой больницей, в которую я попал, будучи поступившим после девятого класса школы. Инфекционная больница, в которую попал я после уборки картошки в колхозе, через четыре дня меня просто постаралась уничтожить гепатитом А, который я подхватил через посуду, которую привозили с едой по полю колхозному. На грузовой машине мы разъезжали, а я был глупым и наивным парнем из Украины, в которой прожил десять лет, но родился маленьким в Воронеже, когда мой отец был во все-союзном розыске четыре года и познакомился с моей матерью на юге в городе прекрасном и жарком Сочи.

Глава 2. «Хомут»

За воротами и калиткой, в которую мы прошли, асфальт был старый, некоторые были ямы на покрытии, которому было много лет, бордовый щебень маленький выступал из стертого от колес машин асфальта.

– Давай, может, по ступенькам пройдем? Там спросим! – сказал я.

– Пошли. Она в приемном отделении сидит сейчас! – ответила мне мать.

– А че, твоя знакомая она? Откуда ты ее знаешь? – спросил я.

Рубашка сзади у меня была мокрая на спине от пота и сидения из кожи, туалетная вода выветривалась почти, а штаны были неглаженные спортивные, которым было немало лет. Поднимаясь по ступенькам высоким, я мог наблюдать, как стеклянные стекла в дверях были высокие и блестящие, словно их недавно протерли. Две двери были открыты в больницу.

– Проходи первой! – ответил я своей невысокой матери, которая была одета в розовый костюм с коротким рукавом и длинную юбку, в свои «за шестьдесят лет» она себя также неплохо чувствовала, платила за меня кредит свой, который у нее сильно появлялся из-за помощи, которую она тратила в деньгах на меня и мою личную жизнь. Покупала продукты для моей семьи.

– Мы зашли, теперь что дальше делать?

– Сейчас спрошу, где здесь приемное отделение, – ответила мне мать, держа в руке коричневую сумку.

На ее глазах коричневых были слезы, которые не успели скатиться по ее щекам. Стоя на двух своих ногах, я продолжал вытягивать свою шею вперед, стараясь размять свои позвонки и поясницу, которую продувал теплый ветер на улице.

– Настоящий детектив, который трудно будет забыть, – ответил я сам себе и улыбнулся.

Моя прическа была приглажена так, что я был похож на алкоголика после вчерашнего застолья, виртуально представить если все события. На часах прошло немного времени, и я заволновался, фигура моя была похожа на странный тип людей, у которых что-то не ладится. Волнуясь, стал двигаться я дальше, высокие потолки коридора с окрашенными стенами и потолками на меня безразлично влияли, что я навстречу видел проходящих врачей – некоторых в белых халатах, лица ухоженные и обувь, если медсестра встретилась, так недорогая обувь сменная, а если врач неизвестный, так приличная обувь, можно подумать, словно у него высокая зарплата, чем у строителя-профессионала, которым я себя называл и считал по высокому опыту на строительстве дорог и улиц с площадками маленькими. Вот я открыл двери в коридоре, такие больницы не для меня, подумал я. Наверное, это тот мужик длинный в коричневой дубленке, который приезжал на красной «девятке» зимою, она была переднеприводная с багажником на крыше, словно двери кто-то возит в рабочее время, а сами приехали в 2012 году после 23 февраля, постоять на повороте и смотрел на меня, когда я был в окне второго этажа частного дома у себя. Вспоминая фрагмент из памяти, которая меня сильно в этот раз подвела, как странный мужик нерусской национальности и не бандит стоял коротко постриженный, с высоким ростом и широкими плечами, дубленка его была нараспашку, словно он наемный снайпер, но я его взгляд прочитал через бинокль, когда он две минуты стоял недалеко от соседского забора, который он огородил сеткой и выкопал яму экскаватором под фундамент, но сам медлит со строительством нового дома со своим другом лысым, который к нему иногда приезжал посидеть за столом деревянным на улице во дворе, рядом с виноградником. В небольшом помещении в виде квадрата было несколько стульев на металлических ножках. Двери в приемное отделение были открыты, а над ними была висящая табличка со словами «Приемное отделение». Деревянный порог и невысокий слишком мне ничего не говорил про медсестру и врача, среди которых медсестра была родственница моей матери, родом из бедной

семьи, но проработала в детской поликлинике медсестрой, взяла квартиру в ипотеку и переехала в приемное отделение областной больницы, которая находится в пяти километрах от поликлиники, а про врача я ничего не мог предполагать, но он мне показался хорошим мужиком как человек, по вопросам которых он не стал часто задавать матери, как я попал в эту больницу с таким диагнозом и написанным направлением с ошибками участковым психиатром в неврологическом диспансере, который находится казенным на улице Некрасова, в котором люди лечатся некоторые тоже, чтобы не попасть и избежать тюрьмы, думал я, поскольку там работала много лет одного моего студента мать медсестрой и я много интересных историй слышал о нем.

– Рустам, подойди, пожалуйста, сюда, – ответила мне знакомая медсестра.

– Добрый день! Паспорт мой у вас, мне здесь удобно в коридоре стоять, я постою! – ответил я женщине и присел на пластмассовое сидение дешевого стульчика.

Наверное, из моей жизни личной и студенческой с работой решил кто-то сделать легенду, подумал я, и не прислонял свою мокрую спину к спинке отвратительной и скользкой. Что-то моя мать рассказывала странные новости обо мне и неизвестной болезни. В дверь входную зашли два человека с улицы. Женщина и мужчина после сорока лет, на вид одетые неплохо. Двери были рядом со мною из квадратного коридора в стене деревянного и белого цвета, немного вытянул я ноги, задумался об этой паре супружеской. Мне странно то, что я не понимаю, что вокруг меня происходит, моя голова словно тяжелая и шумит в висках, затылок болит выше окончания спинного позвоночника. Мой телефон молчит, и жена не звонит по нему, знает, что я ложусь в психбольницу промыть мозги, по народному если сказать, а если понятно – очиститься от токсинов странного происхождения, которые мне попали во время еды и питья воды из своего термоса, который я взял и оставил на барьерном ограждении во время укладки асфальтовым укладчиком с бригадой. Выпить на работе во время горячего асфальта чая со стероидами, которые мне неизвестный водитель закинул, наверное, сильно запомнится на будущее время, что сейчас я в больнице пытаюсь узнать, как у них больные лечатся. На полу, на котором я стою, лежит линолеум, похожий на паркетную доску, но в моей голове не укладываются рисунки, которые на нем изображены. Некоторые слухи про меня доносятся через двери, в которых стоит мать и много рассказывает про мою жизнь семейную.

– Проходи, доктор освободился! – громко ответила из кабинета медсестра в белом халате, на голове у которой был берет, как у повара ресторана, в котором я недавно был с ребятами, которые укладывали асфальт нижний слой на федеральном участке платной автодороги строящейся. Немного ссутулившись в кресле, я поднялся, ноги еще меня держали, и, выпрямившись, я направился к открытым дверям. Женщина с мужем, наверное, ждали очереди к врачу в отделении, странно, что они сидели и слушали наши разговоры с медсестрой и врачом.

– Здравствуй, присаживайся, рассказывай, что там у тебя произошло. Почему ты так думаешь, словно тебя кто-то мог отравить? – спросил врач, сидевший в голубом халате с наушниками, которыми слушает легкие человека и бронхи. Небольшая мысль меня задела так, словно я понял – странное происходит.

– Добрый день.

Не присаживаясь, стоя у такого же кресла из дешевой пластмассы, я стоял и задумался над его вопросом. Внешность его мне показалась приятной, что его небольшие очки немного затемненные были выразительно подобраны к его стилю и лицу. Такой ухоженный врач-интеллигент, средней комплекции тела своего, меня удивил простым вопросом, задав его мне напрямую.

– Не знаю, как даже ответить, просто пропала память! В висках болит, затылок немного ломит, а верх головы у меня немеет при странных симптомах, которых я не знаю, как рассказать вам, – ответил я стоя, руки мои были не очень худые, но рубашка сильно меняла стиль порядочного парня, больше подходила под тунеядца.

– Мы решим иначе, давайте, мама! – ответил врач моей матери, держа руки в халате на столе своем деревянном и сидя в кресле со спинкой мягкой из ткани, которая набита на деревянный каркас спинки. – Сейчас придет медсестра, я ее позову с первого отделения. Вещи все снимаете и кладете в пакет свой. Потом завтра мама может прийти после обеда проведать тебя! Теперь что там по диагнозу у него? – спросил врач в очках стильных и, нервничая сам, старался в руках крутить оранжевую ручку.

– Евгений Павлович, диагноз я поставила, что у него депрессия на почве длительного рабочего времени – ответила медсестра, сидя за столом.

– Все, ступай. Медсестра сейчас тебя встретит в коридоре, – ответил врач.

– Спасибо, до свидания! – ответил я, с поникшей головой вставая из-за его стола белого. Стены кабинета голубые, все покрашено наполовину белым и голубым.

– Следующий! – крикнула медсестра в кабинете и смотреть стала на женщину в коридоре с мужчиной, которые сидели скромно.

Глава 3. «Палата общая»

– Пойдем сами найдем это первое отделение! – ответил я своей матери.

– Медсестра сама сюда придет сейчас! Куда ты собрался, слышал, что нам сказали? – ответила мать мне, держа крепко в правой руке сумку коричневого цвета.

Длинный коридор выходил дальше из квадратного кабинета, в котором я сидел и подслушивал разговор неизвестной семейной пары у приемного отделения, ничего полезного для себя я не узнал. Только мужик иногда говорил на ломаном украинском языке, словно делал мне сигнал, что я должен идти в первое отделение и лечить свои мозги, как в голубом халате мне доктор приписал. Краска на стенах была нестираемая и блестела. Я вспоминал, как мне друг говорил, что все, кто в психушку попадает, дольше пяти лет не могут прожить после нее, происходит либо несчастный случай, или обратно лечиться приходят в нее, превращаются в овощей для психиатра участкового и становятся инвалидами по жизни в своих достижениях. Мы прошли по коридору мимо гардероба, у выхода центрального я увидел большое зеркало и подошел быстро к нему посмотреть на себя, как я выгляжу. Зеркало высотой 1,5 метра и шириной 0,8 метра на стене розового цвета испугало. В зеркале я увидел худого парня, плечи которого выступали из-под рубашки, немного худое лицо, имеющее пожелтевший цвет, со скулами, которые выпирали из щек. Длинный нос был слишком худой в этом зеркале, и я испугался, что моя жизнь так выглядит, как эта висящая рубашка в вертикальную полоску из трех цветов, под которой висел на груди у меня золотой крест с блестящей цепочкой, которую я всегда берег и снимал, когда играл в футбол на природе, вспоминая, работая в СМУ-8 у директора по фамилии Баринов. Но время изменило события и людей, сделало их злее и коварнее. Мне было странным, как я дожился, что, когда приехал ночью с работы, деревянная дверь моя не закрывалась, на втором этаже замок в дверях на маленький ключ сломали мне странным методом, забили личинку его спичками. Жена с сыном маленьким спали на кровати поздно, а я долго думал перед этим странным попаданием в больницу сюда, кто мне забил замок дверной разным мусором, но по пути я встретил небольшой джип серебристого цвета, стоящий ночью поздно у остановки рядом с дурдомом, в который приехал сейчас спустя неделю.

– Ты идешь или у зеркала будешь дальше стоять? – крикнула мне мать, стоя рядом с буфетом небольшим и лестничной площадкой, по которой поднимаются на этажи люди и врачи.

– Да, я иду уже! – ответил я, уставившись глупым взглядом на свои худые плечи и короткий волос, который я пригладил к своему лбу высокому правой рукой, на котором было красивое с белым и красным золотом кольцо обручальное широкое, которое я берег и с которым венчался со своей женой в церкви на Адмиралтейской площади. Ступеньки неширокие, но по ним удобно было сейчас для меня идти, когда моя голова была глупою и болела, словно я вчера выпил вина много сухого. Мне было странным это чувство, кто-то говорил, что у меня невроз развивается, наверное, это был обман, не зная причину развития этой болезни в эти года, подумал я. Мы с матерью поднимались медленно, мне казалось, что количество ступенек на второй этаж было таким, словно это мои прожитые годы в этом городе. Медленно я поднимался, старался все вспомнить, как я радовался личной жизни, ее новым подаркам и невзгодам, обидам и слезам, смеху детей и радости жены. Дракам со своим отцом я оставлял много места в своем сердце. Темный цвет порожков бетонных, по которым я поднимался, сменился дневным светом, который падал от солнца, но его закрывали кирпичные стены больницы, кроме нескольких лучей, которые похожи были на вилку из трех лучей на площадке большой среди лестничных маршей со ступеньками серыми.

– Такие широкие ступеньки – ответил я матери своей не спеша.

Она продолжала молчать и быстро идти. В небольшом коридоре за дверями металлическими я почувствовал неожиданность, открылась дверь высокая, словно там цех завода

по производству ценной продукции. Металлическая и тяжелая, с большой ручкой длинной из трубки, тяжело открывала женщина невысокая, двери скрипели, оббитые специальным металлом из нержавеющей стали, как я представил на то время с головой своей больной. В другую сторону коридора был дальше светлый коридор, по которому много было там кабинетов и несколько рекламных плакатов, на которых были фотографии работников больницы и история ее возникновения. За окном светило ясно солнце, которое радовало только меня своим светом и лучами, которые падали на пол другого коридора, в котором на стене висели плакаты эти светлого цвета. Женщина пожилая показалась похожей на женщину из Узбекистана по национальности. Обутая в сменные тапочки, на которые я не обращал внимания, темные чулки ее были на ней одеты, и она просто не обращала внимания на нас, когда мы у двери стояли, думала спуститься быстрее за мною в приемное отделение.

– Ой, а это вы меня ждете здесь?! – смеясь она негромко нам ответила.

– Да, вот парня нужно по направлению положить на лечение, – ответила мать моя.

– Здравствуйте! – ответил я женщине, которая была медсестрой в синем халате; почему она так была одета, я не знаю.

Черный сарафан на ней был под синим халатом, черные волосы длинные, которые она заплела на своей голове в несколько кругов, и очки висели у нее на цепочке вместо цепочки на груди.

– Если я за вами, здравствуйте! Как тебя зовут? – спросила она меня смеясь немного, зубы у нее были белого металлического цвета, все вставные передние.

– Рустам! – ответил я улыбаясь.

– Отдай тогда, Рустам, обувь маме своей и одежду верхнюю! Переодевайся в одежду, которую ты принес с собой в больницу. Тапочки есть у тебя? – спросила меня женщина с хитрым выражением лица, улыбалась мне глазами темного цвета с черными ресницами и цветом глаз.

Наверно, она скорее цыганка была, чем из Узбекистана родом, подумал я про себя быстро, и мы прошли с матерью внутрь через высокий порог в отделение №1», закрывая она двери, я увидел навесную защелку на дверях под ручкой круглой металлической, потом спрятанный замок в дверях показывал мне замочную дырку, через которую я мог бы открыть двери и убежать, подумал я наперед. Наверху пружина, сильно прибитая к стене светлой, оранжевого цвета держала двери металлические, чтоб сильно не хлопали они при закрытии. Весь внутри зал небольшой со столом деревянным и двумя скамейками по разным сторонам привлекали хорошую и позитивную обстановку, от волнения, которого не должно было быть в эти минуты у меня, кроме мыслей о лечении, как мне сказала моя мама при моем 35-летии, было смешно говорить о том, что я мамин сынок в таком возрасте, скорее я раб и заложник обстоятельств, в которые меня туда все отправили, подумал я. Присел я на скамейку деревянную, неудобная была она после кожаного кресла моей машины, в которой я сидел все время, когда ездил по городу на работу, за которую мне платили ровно одну тысячу американских долларов, если говорить, что можно не думать про инфляцию в 2013 году, согласно прошедшему времени, я мастером работал в СМУ-8 тоже за такую зарплату, держа в доме у себя на полке книгу под названием «Биология и обществознание». Навесные потолки квадратиками в зале для посетителей отделения были белые, как березы за окном в лесу, если посмотреть в окна деревянных рам с решетками, выполненных из арматуры толщиной в указательный палец, на окнах и сваренный в подсобных условиях цеха.

– Ты переодевайся, а я сейчас приду за тобой! – ответила медсестра, обязанности которой были неизвестными для меня, наверное, это убирать помещения палат и мыть полы с мебелью, передавать передачи от родителей и гостей больницы тем, кто лежит в психушке №10. Женщина ушла по коридору узкому и свернула направо, там открыла дверь белого цвета деревянную. Когда я наклонился и привстал посмотреть, куда она пошла. За моей спиной были

на стене оранжевой некоторые объявления, которые рассказывали о приеме посетителей для больных в отделении и график работы врачей: как главного, так и обычных докторов-психиатров во всей больнице. Две двери от коридора узкого могли заинтересовать любого человека и гостя отделения, как и больного, которого приводят и уводят из больницы на заключение пройденного лечения и назначения лекарств дополнительных во время курса лечения, прописанного участковым психиатром диспансера на улице Некрасова.

– Я вылечусь? Что за диагноз написал в направлении участковый психиатр? – ответил я матери, стоявшей у стола со скамейкой и в пакет укладывавшей рубашку, штаны, кроссовки на низкой белой подошве с черным верхом из кожи.

Часы остались у меня с мобильными двумя телефонами, один из которых – смартфон тяжелый для туриста, в котором много программ, а другой – без навигации мобильный телефон с одной безопасной сим-картой, по которому отлично можно разговаривать по громкой связи, если проблемы с гипертонией у абонента этого телефона.

– Ты вылечишься, все будет отлично! Работать тоже будешь дальше, и на машине можно будет ездить, голова не будет болеть! – ответила мне мать моя, держа в руке вещи мои, снятые и положенные в полиэтиленовый пакет, стоящий на скамейке напротив стола.

– А где заведующий отделением здесь? Где лечащий врач? Вы меня по ходу дела, наверное, упрятать решили с отцом в больницу! – ответил я матери и смотрел на нее большими глазами, в которых много было вопросов и обид на отца своего за ту жизнь, какой я жил и начинал создание личной своей жизни, воспоминания, как жену молодую еще отец бил на лестнице по шее ладонью своей тяжелой руки, а мать ее держала за правое плечо, когда я сидел в машине и послал ее взять обувь свою со второго этажа, мои родители просто ненавидели мою жену в ее 28 лет и готовы были ее изгнать от меня ради того, чтобы я вернулся к ним и радовался им, и зарабатывал деньги для постройки еще одного дома за забором, который мой отец построил из деревянных бревен с целью его перепродать. Мне было странно, как я докатился до такой грани, в душе была одна обида на родителей, мать жены директора, на которого долгое время работал и видел его радующимся своему предпринимательству.

– Послушай, наверное, я ошибся, – ответил я своей матери, переодевшись в сменную одежду.

На подоконнике стояли горшки с цветами, в которых комнатные растения хорошо себя чувствовали.

– Нет, Рустам, ты пойдешь в больницу, так надо теперь! – ответила мне мать.

Я чувствовал, что дом, который я на нее переписал в 2010 году, должен был по документам перейти ей, что я не мог обратно вернуть через три года, то заявление о дарственной, которое я подписал матери с ее юристом, которого она нашла. Теперь я попал в дурдом летом, ровно три года когда прошло после передачи заявления о дарственной матери.

– Назад дороги нету! Ты так говоришь мне!? – спросил я у своей матери в свои 35 лет.

– Тебе нужно лечиться, посмотри на себя, в кого ты превратился, тебя жена таким сделала! – ответила мне мать моя.

Прошло десять минут, женщина вернулась, похожая на странную медсестру или уборщицу.

– Все, вы собрали своего сынка на лечение? Вещей больше нет лишних? Все, давай иди, Рустам, завтра мама твоя придет тебя навестить! – ответила женщина странная без улыбки.

Я был в спортивных штанах синих, тапочки тряпочные с гербом на них, ордена Тамплиеров и футболка синяя. Часы и два телефона, а также брелок с ключами на машину, которая стояла за воротами психушки (черного цвета), я тоже отдал матери в руки. Не знаю только, кто ее будет отгонять к своему дому, кроме отвратительного предателя – отца. Пройдя немного шагов, я повернулся и увидел, как моя мать подняла голову кверху и не хотела реветь, но сильно заревела, я понимал, что меня специально в психушку засунули, не мог понять только, почему

так все резко решили изменить, словно была цель определенного человека обо мне сказать слова:

– Был парень как парень, стал дурак и овощ, учись, лечись, копи на гроб! – такие слова я подумал и тихо стал про себя говорить, на моих глазах появились слезы, и я их успел вытереть правой рукой – незаметно, чтобы никто не видел. Пройдя через порог деревянной двери, я обратил внимание на замок, который тоже стоял в дверях деревянных, белый цвет их не очень радовал меня, за дверями был большой зал в виде коридора с палатами и актовым залом, стены все покрашены в светлый цвет, и зеленая дверь в туалет была с левой стороны, а небольшая будка со стеклом и столом в виде кабинета, в котором сидела молодая медсестра с черным волосом и каре прической, нагнувшись над столом, и что-то записывала в толстую книжку, похожую на журнал ведения учета больных и их расположение по палатам в отделении первом.

– Это наш новый пациент, записывай его фамилию! – ответила через окошко уборщица медсестре с каре прической, которой было за двадцать пять лет на вид.

– Здравствуйте, – ответил я медсестре с наглым лицом, которая прикрыла свое лицо ладонью за стеклом от меня левой рукой, кольцо обручальное я тоже отдал своей матери на хранение, задумался я при виде поступка медсестры.

– Фамилия? – громко ответила она через стеклянную витрину, толщина стекла была 0,5 см.

– Моя фамилия Кардашов Рустам! – громко крикнул я ей и посмотрел, как она опустила руку и стала записывать меня в журнале. Я сразу понял, что хорошее меня здесь не может ожидать в этом гадюшнике с такими врачами и медсестрами, словно я попал в тюремную больницу для психов и маньяков на перевоспитание своих уголовных и душевнобольных поступков в городе, работая на укладке асфальта во время строительства федерального участка платного за городом с конструкцией, которая недавно была принята СНИПом и ГОСТом согласно европейским конструкциям строительства автомагистралей будущего.

Девушка-медсестра меня записала, и женщина в халате синем сказала:

– Пойдем в палату, достань конфет из своего пакета, которые мама тебе передала, и раздай всем больным! Такие правила в палате! Конфеты у тебя карамельные, наверное? – Голос ее был немного строгий и добрый, блестели зубы ее во время улыбки. Стоя я не мог ничего ответить, для меня ее предложение звучало как насмешка над моим характером, словно меня решили сломать как гордого парня, и если представить я мог, что человек с окладом крутого специалиста в дурдоме будет всем больным раздавать конфеты, а на самом деле унижаться, сгорбавшись, словно в тюрьме на общем режиме. В действительности больные были здоровые, просто у некоторых было расстройство от разных причин, но большинство было алкоголиков, а есть такие препараты, которые деформируют психику и мозжечок, и человек становится неменяемым психом тихим, такие лекарства есть только в милиции управления города и тюрьмах для завершения статьи под наказание, когда не хватает доказательств, собранных судом и сотрудником дознания. Но какой тут суд, я просто немного далеко забежал в своих умозаключениях. Взял пакет с конфетами и в открытую дверь шагнул правой ногой в палату общего отделения, в котором меня поразило происходящее и количество разных личностей.

Глава 4. «Дезодорант»

Высокие потолки прямоугольной планировки палаты с тремя окнами в ряд на стене, которая имела вид на внутренний двор психиатрической больницы, в котором росли высокие деревья, некоторые из них плодовые, а внизу, если рассмотреть через каркасы сваренных решеток, покрашенных в белый цвет, находился двор, огороженный сеткой высокой, которая крепилась на вертикальных трубах, диаметр которых был похожим на небольшое яблоко из частного сада. В огороженном таком дворе сеткой выводили больных из больницы погулять и подышать свежим воздухом, когда они долгое время лежали, проходя курс лечения, что после него становились спокойными и медленно двигались по улице и коридору больницы. Мне пришлось пройти, как мне показали, к пустой кровати в палате общей, которая имела металлический каркас из трубок, и ее четыре ножки стояли на деревянном полу, на котором не было линолеума и паркета, откуда в больнице деньги на паркетную доску и пластиковые окна, если иногда треснутые стены в коридорах и капает весной вода с потолка на верхнем этаже из-за крыши, которая немного, наверное, дырявая, со старым покрытием кровли, подумал я, зная, как выглядит больница, если каждый день, живя в районе своем, я проезжал на работу и с работы двадцать лет мимо на автобусе. Вонючий матрас, на котором было пятно от высохшей мочи, которую оставил, наверное, прежний больной до меня, очень сильно меня взбудрил на новые противостояния с местными соседями моего двора, которые рыли на меня информацию, касающуюся моей новой работы, и целей, ради которых я на нее устроился. Я не лег на кровать, а раздал все конфеты больным в палате, которых насчитывалось десять человек, кровати их стояли в ряд от стены по три штуки, и расстояние между ними было небольшое, приблизительно 1,8 см. Между кроватями лежали тапочки на полу любые, начиная от старых и заканчивая дешевыми с вещевого рынка, в которых можно ходить в душ из-за того, что они резиновые. Некоторые ящики у стены были деревянные, похожие на старую мебель кабинетов, которая стоит у врачей, в которые можно принести и положить продукты. Мне было неприятно смотреть, как нет простыни на кровати и матрас желтого цвета, который я перевернул обратно. Не успел я поесть с утра, как уже сижу на кровати, может, другие здесь не сидят, а лежат на кроватях с металлическими решетками и скрипят на них, когда им нужно перевернуться, чтоб сменить бок своего тела, на котором они долго устали лежать. Один ест конфеты и говорит, что они приятные, кто он, я не знаю, но его кровать с постелью вся белая, и есть тумбочка высотой в метр от пола.

– Всем здравствуйте! – ответил я, немного улыбаясь после пяти минут, которые прошли, когда я раздал всем угощения свои в виде конфет из сладкой карамели под названием «Рачки». В смешных тапочках я сидел на кровати, которая меня не смогла долго выдерживать, и натянутые пружины под матрасом, который я перевернул к полу в моче высохшей, меня не радовал с конфетами, но вата в матрасе еще была мокрая и воняла не мужской водою под названием «Хуго Босс», как я вспоминал, какой я часто брызгался, когда ездил, работая асфальтировщиком за маленькую зарплату в СМУ-8, а в 2005 году после работы в выходные дни в эскорт, который только открывался по выходным дням, снимал стресс свой от трудодней. Мне было интересно, как я мог стать пациентом этой странной больницы и что в ней происходило внутри с лечением и больными, которые были разные по диагнозу и из разных городов области.

Никто со мною не поздоровался, кроме одного парня, который лежал с моей кроватью на постели, и белая подушка была под его головою. Короткая прическа черного цвета, футболка белая на нем и шорты до колен серые под названием иностранным каким-то, что я даже не мог выговорить, когда он мне про них рассказал через пару дней, если я был в теплых штанах спортивных.

– Здарова, а тебя как зовут?! – резким движением поднялся он со своей кровати, и она заскрипела.

Моя кровать воняла, и провисла моя задница почти до пола, что я чувствовал себя неудобно после машины, словно я был в гамаке, и мне осталось еще задуматься, как мне быть с этим глупым лечением в этой психушке.

– Меня зовут Рустам! А тебя как? – ответил на вопрос я парню, который горбатился, делая из себя грозного подростка с короткой шеей и большим животом плотным, которому было на вид 23 года.

– Я Женя, мне приятно было поесть твоих конфет. Скажи, а ты надолго сюда приехал лечиться? Вот мама из библиотеки, в которой она работает, много лет сказала мне, что я должен часто приезжать в эту больницу лечиться! В армии я не служил, а ты в таких тапках пришел, на них красный крест вышит с короной. Ты в Красном Кресте работаешь? – Лицо молодого парня было немного вытянутым вперед с подбородком, его зубы при разговоре белыми не были, а глаза были коричневыми с черными густыми бровями и коротким носом, словно он раньше занимался боксом и его ему сломали на переносице. Взгляд его был разным, добрым и грустным, он смотрел на меня и в мои глаза часто. Когда человек смотрит в глаза, это по нему видно, что он готов к серьезному разговору и ждет внимания со стороны противоположного человека, с которым общаться начал. Я задумался на миг, и мужик в углу на вид 45-ти лет, с желтым и загорелым внешним видом и лицом, на котором шрам виден был на лбу длиной в несколько сантиметров, мне ответил:

– Сейчас тебе постель принесут, Рустам, там вещи в шкаф любой свободный положи и ложись отдыхать, не слушай Женька, он всегда будет тебе задавать вопросы! Меня зовут Серега, я здесь часто иногда приезжаю, лечусь от водки. Если проблемы у тебя в палате будут, мне дай намек и я постараюсь тебе помочь! – Его хриплый, немного с кашлем голос меня насторожил, что я не мог понять, на что он мне намекает.

– Да, я сейчас разложу постель, которую мне принесут, матрас кто-то вот намочил мочой, но ничего плохого, меня он устроит. Мой голос меня пытался унизить перед этими двумя личностями, с которыми я познакомился за несколько минут в палате, и мне показалось, что нельзя оскорблять больных в такой больнице, что они психи и убогие, нас всех могут такими сделать, если захотят, – отжать жилье, работу, кредиты, оплачиваемые в процентах, поднять еще выше ради штрафов, чтобы отнять то, что нажито годами ради сладких нескольких лет, когда человек немного украсил свою жизнь кредитом частного банка или взял ипотеку и лишился через пять лет здоровья и работы. Все это я только должен был узнать и представить за 29 дней моего пребывания в больнице и лечения от странного диагноза, про который все в отделении молчали и не говорили, а потом я убежал из нее, когда с меня потребовали 25 000 рублей за больничный лист и хороший, честный диагноз заключения в больнице серьезной на всю область под порядковым номером 10. Но это я забежал слишком далеко, а сейчас вернусь в эти минуты на свою кровать, в палату общего назначения или режима. На потолке, который был побелен краской белой, похожей на известь гашеную, растресканный из мелких трещин, но цементом зашпаклеванный. Несколько лампочек, висящих на одной люстре, имеющих три лампы из короткого и круглого стекла, вечером, наверное, сильно будут яркими, подумал я. В углу на кровати мужик в темной, сильно синего цвета футболке, на лице много морщин, которые не от старости, а от болезней, наверное, связанных с пьянством и печенью, меня сильно напугали душевно. Встал я и нагнулся взять свой пакет, который небольшой мне мать передала белого цвета, с некоторыми продуктами, которые можно поесть на первое время, чтобы дожидаться столовой на утро следующее, в которую я еще не знал, как идти, и видно у меня только приключения будут появляться в этом отделении, подумал я. Пройдя в тапках коричневого цвета к небольшой тумбочке, я протянул свою руку и открыл дверь маленькой тумбочки за маленькую ручку, которая была небольшая, и мне она сильно не нравилась, что все в палате лежат по расписанию и нельзя выходить в коридор из палаты, за которой наблюдают не только медсестры, но и дежурная медсестра в кабинете стеклянном. Больница, похожая на милицей-

скую исправительную колонию общего лечения от душевного расстройства, которое может быть написано в казенном учреждении, в котором на весь город одно находится, с выдачами справок и заключений, которые нельзя опровергнуть без поддержки адвокатов в суде Ленинского и Советского районов. Вспоминаю, как я еще стою на учете в военном комиссариате не в одном районе, в котором живу, а в двух сразу, таких как Ленинский и Советский, в звании лейтенанта запаса, или имея военный билет один на два района. Мне не нравится, как легко можно любого человека сломать, если он гордый и есть кредит немалый, раньше садили при коммунизме в дурку за политику, сейчас местные отдельные господа города садят из-за кредитов и высказываний критики в адрес бывших друзей из госакадемии, в которой я учился.

– А в этой тумбочке кто еще держит свои продукты? – спросил я у Сереги, который закурил сигарету, похожую на папиросу, рядом с банкой небольшой из стекла, которая перед ним стояла на его тумбочке с книжкой небольшой, которая была с названием странного романа о любви. Мне странно подумать, если ночью мой пакет утащит из тумбочки этот Женек, подумал я.

– Да никто, ты положил, пускай лежит! Никто не будет у тебя его воровать. На полу же ты не будешь его держать, вдруг туда Женя напишет! – ответил, согнувшись, худой Серега, держа себя за живот, и его синие спортивные штаны сильно были старые, с лампасами белыми в несколько полосок.

Наверное, он был хулиган по молодости, подумал я и посмотрел на другого больного, старого деда с седой головой, на которой были волосы. Дед лежал на спине, и его руки были привязаны к кровати металлической резиновыми ремнями, похожими на завязки, которыми связывают больных буйных в больнице с душевными расстройствами. Одеяло в виде простыни накрыто на нем было, а подушка с наволочкой белого цвета была уже давно вытертой, что некоторые места, наверное, были испачканы продуктами, которыми его кормили в палате медсестра и уборщица, которую иногда просили медсестры. Самое странное, что этот парень встал и спросил у меня, говоря:

– Ты Женьку еще конфет дай! Че у тебя еще в пакете есть поесть сладкого? – спросил парень, не ложась на свою кровать, и сидя смотрел на меня пристальным взглядом, когда я на него обратил внимание.

– Да ничего, мне самому нужно что-то есть до утра! А как здесь в столовой кормят? Когда можно в туалет сходить и куда идти? – задавал я много вопросов соседу по имени Женька. Никто не знал, что я буду много в первый день вопросов задавать, похожим скорее я был на человека, засланного в больницу с целью узнать, как лечение проходит у большинства пациентов и как к ним врачи относятся, кто лежит в дурдоме, как обстановка в нем. Вспоминая, как я поехал в соседнюю деревню под названием Малышево и пошел в церковь. В церкви, в которой я никогда не был, я увидел рыжего священника, он был батюшкой в черной рясе и читал молитвы многим, кто в церковь ходил. Из всей деревни не очень много в нее ходило, но сам интересен был факт, что он меня удивил своей службой. Долго я там не стоял, приобрел, как я вспоминаю, свечки и поставил за свое здоровье, своих родителей, с которыми часто ругался, своей жены и сына, а также тещи. Все было серьезно так, что словно кто-то решил мне отомстить и все разрушить, что я годами добивался и строил, любил и гордился теми правилами, по которым меня в вузе учили и воспитывали родители.

– Туалет, если захочешь, пойдешь к дверям в палате, постучишь несколько раз в двери, медсестра на посту в кабинете стеклянном выйдет и откроет тебе эту дверь. Там зеленая дверь одна в туалет, другая в душ, который неудобный, в нем кран один висит с горячей и холодной водою, несколько других кранов сломанные с горячей водою, но холодную можно налить, – ответил мне Женек и из кармана своих шортов достал печенье и стал есть.

– Понятно, буду знать, – ответил я с прической, которая уже была примята в разные стороны у меня на голове после того, как я прилег на постель, которую мне принесла женщина

в синем халате. – Спасибо! – ответил я своей первой знакомой, которая оказалась пусть и уборщицей, но с сердцем добрым и воспитанная.

– Пожалуйста, можешь всегда на мою помощь надеяться! – ответила женщина, которая была не уборщица, а медсестра переодетая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.